

Я И МОЙ ТАЛАНТ

Выбрался сам –
помоги другому!

Он боролся за жизнь на земле!

Я не хотела сегодня писать дневник, я легла спать, но перед этим прочитала «Псы наркобизнеса». И на меня это произвело такое сильное впечатление, что когда я легла спать, то просто не смогла заснуть. У меня стала в голове крутиться мысль: «Хочу написать дневник!» Эта мысль была такой сильной, что я не выдержала и встала, а было уже 2 часа ночи. Решила написать, все что думаю. Прочитав «Псов» я как-то подумала об этом человеке – Георгие, ведь он боролся против наркобарыг, пусть даже ему приходилось снова садиться на иглу. Но он боролся за жизнь на земле! Я тоже должна бороться, пусть это долгий путь, но легких путей не бывает. Я всегда буду помнить о нем и никогда больше не возьму в руки бутылку и шприц.

Лена, 4 года на игле

«ПСЫ» НАРКОБИЗНЕСА

Его продолжают искать, наркоторговцы, братва, сотрудники правоохранительных органов некоторых южноазиатских республик. Ему давно вынесен смертный приговор, но он продолжает разоблачать тайны наркомафии и методы борьбы спецслужб с ними на территории бывшего СССР. Я познакомился с ним в Москве в декабре 1997 года с помощью коллег из газеты «Криминальная хроника», где он иногда под псевдонимом публикует свои материалы. Он представился мне Георгием. Я услышал подлинную исповедь человека, бывшего сотрудника КГБ, ныне беженца и безработного.

Мумин Шакиров.

ВЕРБОВКА

Как становятся сексотами – секретными сотрудниками? Наверно, каждый по-своему ... Я стал сексотом КГБ в ИТУ 148/8. Я был осужден в Забайкалье по статьям 15, 62, 103 УК РСФСР в 1978 году. Срок – восемь лет. С принудительным лечением от наркомании в спецИТУ усиленного режима. Мое преступление было простым, как ложка. С 17 лет я сидел на игле и считал себя конченным преступником. По криминальным делам нам с приятелем пришлось уехать из Киргизии в Читу. Мы были наркоманами и в любом крупном городе могли найти барыгу – торговца наркотиками. Так случилось и в тот раз. Но мы не были постоянными покупателями нашего очередного барыги, поэтому он вместо промедола продал нам какую-то гадость. Мой приятель от нее умер. А я чудом остался жив – спасибо врачам. После похорон я должен был наказать виновного. Убить человека нелегко, а я настолько хотел убить, что промахнулся: нож, который я кидал в барыгу, попал ему не в горло, а ниже. Он остался жить. А я был арестован и осужден ... Отбыл уже пять лет из своих восьми. В зоне считался «правильным». Это был 1984 год – переломный в моей жизни.

Меня по селектору вызвали «на вахту к хозяину». Я ничего хорошего от этого не ожидал: внутрилагерных нарушений режима у меня хватало. В кабинете у «хозяина» сидел неизвестный мне мужчина, перед ним на столе лежало мое личное дело. Вначале я подумал, что он – «кум», оперативник ИТУ, то есть мент. С ходу отказался быть стукачем – о ментах у меня уже давно сложилось твердое и вполне определенное мнение. Тогда он предъявил удостоверение сотрудника КГБ и предложил не торопиться с выводами. Вербовал он меня классически. Я дал подписку о сотрудничестве: мы ведь воспитывались на легендах о чекистах.

Первым заданием было подготовить обзор внутрилагерного положения, о земляческих группировках, получающих поддержку с воли. Я работал активно, давал подробные

характеристики авторитетов, выявлял связи сотрудников ИТУ с блатными, разработал систему контроля за нелегальной доставкой наркотиков в зону.

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ

Мою работу оценили. Чекисты помогли досрочно освободиться. Причем была выработана легенда, согласно которой свою свободу я «купил». Тридцатого августа 1984 года меня освободили. Меня встретил мой куратор. И я поехал не домой, а вместе с ним в Подмоскowie. Там меня месяц натаскивали как сексота. Именно тогда я узнал, что в КГБ организовано Управление по борьбе с оргпреступностью. Весь месяц я не выпускал ручку из пальцев, вспоминал и писал имена, фамилии, клички, характеристики, сведения о межрегиональных лагерных связях, о способах транспортировки наркотиков, адреса

...

Мне объяснили, что я должен буду внедриться в оргторговлю наркотиками. Дома у меня будет свой куратор, сообщение обо мне уже отправлено, и меня ждут. Вот так я стал платным секретным сотрудником КГБ. Точнее – управления «В» 3-го ГУ КГБ СССР. Еще точнее – КГБ своей республики. И наполнило меня, простите за штампованную красоту, щемящее чувство свободы плюс гордость за то, что стал «бойцом невидимого фронта». Короче: молод был и глуп.

Дома месяц меня никто не тревожил. Я даже начал думать, что обо мне забыли. Стал потихоньку присматривать работу, зажил цивильной жизнью.

ПОИСКИ РЕПУТАЦИИ

Перед ноябрьскими праздниками пришел ко мне человек и предъявил уже знакомые комитетские «корочки». Это был мой новый куратор. Отдых закончился. Дали задание внедриться в среду наркоманов, выйти на барыг и прикрывающих их сотрудников МВД. Так что мне вновь приходилось садиться на иглу. Очень не хотелось, но куратор успокоил: раз в два месяца я буду проходить дезинтоксикацию в спецклинике. Однако посоветовал не зарываться и дозу не увеличивать.

Так что мне вновь приходилось садиться на иглу. Очень не хотелось.
--

Выдал деньги, 180 рублей зарплаты и 200 рублей на «нужды производства». Я написал, как положено, расписки. Куратор рассказал мне про связь и запретил говорить родным о моей работе: «Пусть они тебя считают блатным. Так будет лучше».

Внедриться большого труда не составило. Город-то был родным. Плюс наличные деньги. Мелкие барыги меня не интересовали, но определенный круг уже выявлялся. Мне не хватало одного: реальной криминальной репутации. Ее надо было заработать.

Ситуация с наркотиками в городе складывалась такая. Чистым опиумом уже никто не колосся – в моде был химарь. Из молотых коробочек мака – кукнара – изготавливался опий-сырец, то, что на Западе называют крэком. Кукнар завозился из Талды-Курганской области Казахстана. Надо было доказать, что я не просто наркота, а деловой. И я нашел выход. В ДК одной организации я присмотрел аппаратуру – стереомагнитофоны, фотоаппараты ...

В один из бекабрьских вечеров в узком кругу авторитетных наркот, когда ждали прибытия гонца с товаром, а денег для расплаты с барыгой не было, я предложил «выставить» этот ДК и забрать всю аппаратуру. Со мной пошли двое. Госкражу мы совершили довольно легко. Тянула она лет на десять строгой зоны. На следующий день я толкнул аппаратуру за полторы тысячи. Шестьсот рублей взял себе, подельникам - по 450. После этого меня познакомили с гонцом-барыгой. Представили как верного и правильного парня.

Мой отчет вызвал одобрение у куратора, и я получил свою вторую зарплату. Новый год я встретил в компании нормальных людей. Там я познакомился с женщиной, в которую влюбился с первого взгляда. Мне было тогда 26 лет. Я был влюблен, но правды о себе сказать, конечно, не мог. Но тогда меня это не мучило.

Там я познакомился с женщиной, в которую влюбился с первого взгляда.
--

Ощущая поддержку КГБ, я старался, чтобы в криминальной среде нашего города у меня была репутация крутого. Ежедневные тренировки в метании ножей дали свои результаты. И однажды в случайной ночной драке с пьяными киргизами, когда я и мой приятель возвращались домой из блатхаты, мое умение выручило нас. Двумя ножами я

ранил двоих. Если уличные драки не раскрываются по горячим следам в течение часа, то они не раскрываются вообще.

Мой приятель был разговорчив. В среде местной наркоты мое умение метать ножи вызвало уважение. Так я стал крутым. Это оказалось решающим аргументом, когда выбирали сопровождающего для гонца в Талды-Курган. Мой куратор дал мне контактные телефоны в Талды-Кургане, но звонить я мог только в крайнем случае: если мы попадали в поле зрения казахского МВД.

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Мы должны были привезти 500 стаканов молотого кукнара – денежный эквивалент 7500 рублей. На обратном пути на границе Киргизии и Казахстана нас должен был встретить мент, прикрывающий этот канал доставки наркотиков в наш город.

Из одного стакана кукнара выходит пять доз химаря для плотно сидящих на игле. Это около трех граммов отравы. Так что груз, который мы должны были доставить в Киргизию, подпадал под категорию «особо крупные размеры». Перевозчики в случае провала получали от 8 до 15 лет.

Задание у меня было таким: по маршруту Фрунзе – Алматы – Талды-Курган – Панфилов засвечивать опорные блатхаты (для их дальнейшей оперативной разработки), на месте завязать тесные знакомства якобы для приобретения в дальнейшем крупной партии кукнара наркотами из России, по возвращении в Киргизию выявить мента или ментов, опекавшие сбыт наркотиков, и создать условия для перехвата груза.

Была разработана легенда, как мне в последний момент отойти в сторону. Легенда мне очень не понравилась, суть ее заключалась в том, что меня арестовывают за ношение холодного оружия и водворяют в СИЗО – одновременно с перехватом груза и арестом фигурантов. Мой куратор успокоил: к сорокалетию Победы будет амнистия, и я со своей предполагаемой статьей буду амнистирован.

Я старательно засвечивал блатхаты и фигурантов (имена, клички, приметы). Записи вел на двойных стельках теплых сапожек специальной ручкой. В Панфилове установил знакомства. Благо «родное» ИТУ 148/8 уже приобрело к этому времени широкую известность в узких кругах: у одного корейца – «сильного барыги» – младший брат отбывал срок в одни годы со мной, в зоне мы считались земляками и были приятелями. Благодаря этому мы взяли не 500, а 600 стаканов кукнара за те же деньги (легко заниматься контрабандой наркотиков, если тебе помогает КГБ).

По возвращении во Фрунзе наш «газик» встретили два мента – инспектор по наркомании и опер из угро. Этого оказалось достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы. Гонец сказал, что я свободен и что со мной рассчитаются дома. Мне пришлось предъявить свои права на лишние сто стаканов кукнара – дескать, если бы не мои знакомства и так далее. Я, мол, хочу потащиться в столице, домой попаду не скоро, лучше рассчитайтесь сейчас. Выглядело все убедительно и мотивированно. Груз достали из тайника в кузове, отсыпали мне мою долю – 50 стаканов, дали денег. Груз обратно упаковывать не стали: чего теперь бояться – два мента в сопровождении.

Моя информация о прибытии, местонахождении груза и его сопровождающих стала сигналом к началу операции «Перехват». В ущелье «газик» был протаранен «ЗИЛом», прибывшие на место аварии «сотрудники ГАИ» обнаружили кокнар. То, что сопровождающие груз менты сразу не разобрались в ситуации и пытались спасти гонца и груз, стало фактом сотрудничества работников МВД с наркоторговцами. Через два дня – 5 марта – я был «арестован» на аэровокзале с боевыми ножами.

Это была моя первая операция. Мой куратор, навещая меня в СИЗО, сказал, что я становлюсь первоклассным сексотом, что мне увеличена зарплата и открыт трудовой стаж. Санкция на мое содержание под стражей была выдана на два месяца...

Для моей матери и любимой женщины мой арест стал ударом.

Единственное, что их утешало, я арестован не за наркотики, а за хорошо им известное мое хобби – за ножи. Я попросил куратора, чтобы он нашел возможность передать мою зарплату матери, а женщине моей выслать бандероль с французскими духами.

Для моей матери и любимой женщины мой арест стал ударом.
--

По делу о контрабанде кукнара было осуждено девять человек. Моя фамилия на следствии и на суде не фигурировала.

ЯША

В СИЗО, в следственной камере строгого режима, я чувствовал себя вполне комфортно. В среднеазиатском СИЗО можно было получить с воли любой грёв – наркотики, водку, деньги, часто и женщин. У кого качественный грёв – тот и авторитетней. Мой куратор постарался обеспечить качественный грёв ... Я не только сам получал наркотики, но и делился ими с другими авторитетами. Это опять-таки работало на мою репутацию. Тогда-то я и познакомился со своим будущим другом и партнёром.

В камере нас было около сорока человек. На свободе стоял апрель. Я сидел на верхних нарах возле окна и играл в нарды с Жориком – авторитетом средней категории. Дверь камеры открылась, и менты ввели какого-то парня-корейца. Он поздоровался: «Здорово, Яша». Я-то отбывал срок в России, а здесь почти все прописанные в тюрьме знали друг друга. Яша сразу спросил: «Буржуй здесь?» Буржуй был наркоманом и бакланом – то есть хулиганом. Он как раз спал в это время.

В честь нового жителя хаты заварили чифир, забили косяк с анашой. Я предложил Яше кукнар. Он тут же отказался от косяка и вкатил моего угощения. Я поинтересовался, за что и как он сел. «А ты кто такой?» - спросил Яша. Я сказал, что тюрьма поставила меня смотреть за хатой, чтобы, значит, хата была правильной. Тогда он представился: три ходки по 144-й статье – щипач, карманник стало быть. Подсел, чтобы разобраться с Буржуем. Буржуя тут же разбудили. Он увидел Яшу и стал похож на покойника, хотя был здоров и силен. Оказалось, что, пока Яша мотал очередной свой срок, Буржуй посадил на иглу его младшую сестренку и пускал ее по кругу, а потом продал в Каракалпакию за триста граммов ханки.

В нашей хате на сорок человек было пятнадцать бродяг, то есть тех, кто имел право на внутритюремные разборки. Как смотрящий я спросил их мнение. А потом подвел итог: ты, Яша, можешь и должен получить с Буржуя, я объявляю его не бродягой, а чертом ...

Яша умел драться. Почти сразу отключил Буржуя. Затем подтащил его к параше (стоящему возле дверей забетонированному унитазу), расстегнул свои штаны, обнажил член и несколько раз провел им по губам Буржуя. Затем развернул Буржуя мордой к стенке, стащил с него спортивное трико и провел членом между его ягодиц. И стал Буржуй нетрахнутым педерастом.

Оказалось, что, пока Яша мотал очередной свой срок, Буржуй посадил на иглу его младшую сестренку и пускал ее по кругу, а потом продал в Каракалпакию за триста граммов ханки.

И уже к вечеру попросил ментов перевести его в петушатник – в камеру, где содержались педерасты.

Буржуй посадил на иглу его младшую сестренку. И стал Буржуй нетрахнутым педерастом.

Ночью в нашей хате состоялся сходняк. Пришли авторитеты с полосатого (особого) режима. Спросили с меня как со смотрящего – тюремные интриги покруче интриг любого королевского двора. Интересовались правомерностью моих действий. Свое разрешение Яше получить сполна я подкрепил кукнаром. И как всегда, наркотики оказались решающим аргументом. Яша стал моим тюремным кентом ...

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

Пятого мая закончился срок санкции моего содержания под стражей. Меня отпустили, взяв подписку о невыезде. Мой куратор уже подготовил медицинское заключение о том, что я заболел туберкулезом и нуждаюсь в срочном стационарном лечении. Неделю я побыл дома, а потом уехал «лечиться» от туберкулеза.

Мои хозяева определили меня в спецотделение окружного госпиталя в Алматы. Вначале меня сгоняли с дозы. Затем – дезинтоксикация. Позже – шоковая (инсулиновая) терапия. Обновили кровь. Провели курс общеукрепляющего лечения. За два месяца меня сняли с наркотиков. Я снова был готов к работе.

С июля до середины августа я проходил спецподготовку. Меня учили слушать и слышать собеседника: спровоцировать человека на нужный мне поступок; разбираться в тюремных и уголовных кодах для расшифровки маляв (писем, записок и т.п.). Изучал я

также материалы об организованной преступности и наркобизнесе за рубежом, первые результаты борьбы с советской оргпреступностью. Знакомился с личными досье среднеазиатских авторитетов и арестованных групп наркобизнеса. Обучали меня системе запоминания и тренировки зрительной памяти. Приехал мой куратор. Провел своеобразный экзамен. Остался доволен. Сказал, чтобы я возобновил тренировки по метанию ножей. Потребовал, чтобы я подробно расписал все 60 дней пребывания в СИЗО. Особенно моего куратора заинтересовала история с Яшей. На Яшу я составил характеристику как криминальную, так и человеческую. После этой писанины куратор вывез меня в офицерский тир алматинского гарнизона и преподавал уроки стрельбы из пистолета.

Тем временем вышла амнистия. И мое уголовное дело было прекращено еще до суда. Заданием мне было определено: создавать, не раскрывая себя, информационную сеть, собирать компромат на сотрудников МВД, провоцировать разборки внутри криминального мира, проверять информацию о возобновленных нелегальных посевах опийного мака.

В городе я появился на законном основании – амнистированный туберкулезник. Городская братва считала, что мне крупно повезло – иначе загремел бы вместе с грузом. Сентябрь – октябрь – время сбора конопли и изготовления анаши. На областном схода было принято решение взять под контроль эту торговлю. Пржевальская группировка контролировала восточную часть области, наша – западную. Для нейтрализации диких заготовителей решили использовать ментов. Я не сумел проконтролировать первый вывоз анаши в Новосибирск. Судя по всему, партия была очень крупной, так как на внеочередной связи мой куратор был мною не доволен ...

Я ИДУ В РОСТ

Итак, мне приказали создать информационную сеть ... Значит, снова надо было сесть на иглу. В этом был свой резон: наркоманы становятся болтливы после принятия вожаемой дозы, особенно если она достается на халяву. Потому я и попросил своего кагэбэшного куратора выдать мне «для служебного использования» побольше «отравы». После оформления немалого количества бумаг я получил тысячу ампул промедола.

У МВД, у угро были свои информаторы в среде наркоманов. Новый инспектор по наркомании оказался «идейным ментом», рьяно взялся за свою работу и взяток не брал. Пока ...

В первую очередь я стал выявлять его стукачей, что было не так уж и сложно. Выдающий информацию не должен догадываться, что представляет собой какую-то ценность. Надо уметь обнаружить людей, обладающих врожденным «даром» сплетника, и периодически встречаться с ними для дружеской беседы. Услышанное анализируется потом и раскладывается по полочкам. К новому 1986 году у меня уже сложился некий приятельский круг. В нем я и черпал почти всю информацию о криминальном и околориминальном мире нашего района.

В соответствии со своим образом жизни я не должен был заниматься барыжничеством. Так что промедол уходил на бесплатное раскумаривание нужных мне людей. В городе меня начали считать крутым – ведь только у меня были «стекляшки» (ампулы), они позволили мне завязать знакомство с «идейным» ташкентским вором в законе Маликом. Я нигде не работал, но имел деньги, поэтому сложилось мнение, что я «работаю на выезде» – за пределами области. Малик предложил мне встретить Новый год у него в Ташкенте. Мой куратор был доволен: его сексот поднимался в криминальном мире...

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ УГОЛОВНЫЙ КОЛОРIT

В восьмидесятых годах «отрава» из Афганистана шла через Ташкент. Узбеки контролировали опийную дорогу ... В те годы по-настоящему организованная преступность существовала только в Средней Азии. Были тому свои исторические причины. Во-первых, вооруженная борьба с советской властью – басмачество – продолжалась здесь до конца тридцатых годов. Во-вторых, с началом Отечественной войны сюда эвакуировались не только «цивильные» граждане, но и уголовники всех категорий. В-третьих, Средняя Азия использовалась как место для депортации многих малых народов: чеченцев, балкарцев, турок-месхетинцев, корейцев ... Официально Средняя Азия значилась советской, красной, со всей положенной атрибутикой. На самом деле здесь был совсем другой мир.

Среднеазиатский криминалитет отличался от российского большей гибкостью, он куда быстрее воспринимал перемены в обществе. Здесь гораздо раньше, чем в России, поняли, что лучше покупать МВД, нежели четко структурировалась: воры в законе – авторитеты – смотрящие – исполнители. Воры имели выход на высшие политические и силовые структуры – кроме КГБ. Война в Афганистане открыла южные границы СССР. Среднеазиатская наomenclatura через высших криминалов начала конвертировать советские деньги в иранское и индийское золото. Подступ к ворами был невозможен из-за того, что они опирались на свои кланы. Общение с ними шло через младших представителей клана – «братишек». И то, что такой серьезный человек, как Малик, удостоил меня своим вниманием, было прямо-таки сверхъестественной удачей. Отказываться от встречи с ним представлялось в высшей степени неразумным. Но от первого впечатления зависело очень многое ...

САБЛЯ БУХАРСКОГО ЭМИРА

Гастролерами из России в Алматы была «выставлена» квартира одного старого генерала. Гастролеров повязали. В списке «выставленного» значилась сабля, принадлежавшая якобы бухарскому эмиру. Мой куратор придумал гениальный ход. Ведь до суда украденные вещи находятся в МВД. Вот он и приволок мне эту саблю и постарался «записать» кражу в мой актив. Я должен был подарить редкое оружие Малику. Тем самым я подтверждал свою репутацию и оказывал уважение «аге». Накануне – 30 декабря – мой куратор представил меня моему связисту в Ташкенте, сотруднику узбекского КГБ.

И вечером того же дня мы выехали на автобусе из Фрунзе. Утром были в Ташкенте. На вокзале меня встречали «братишки». По обычаю на туй (свадьбу) собрались только мужчины – авторитеты и смотрящие, близкие клану Малика. Каждый поднес подарок – деньги, золото. Ну, а я преподнес саблю бухарского эмира. Малику сабля очень понравилась. Меня он представил как молодого, но «путевого» человека, что было равносильно приближению к клану.

После двухдневного праздника состоялась серьезная беседа. Малика интересовало мое мнение о криминальном мире Киргизии. Он предложил мне информировать его о всех новостях. До вокзала меня довезли его «братишки». А там меня взяли менты. При досмотре мне подсунили грамм опия. Это была обычная практика, но менты не стали брать с меня откупного, что очень и очень настораживало ...

Меня закрыли в «отстойник» и «запустили под пресс». Вначале возник соблазн добиться встречи с моим здешним «контактом», но уж больно назойливыми показались мне вопросы ментов.

Оставалось только «лаять» ментов и дожидаться помощи. Трое суток без санкции прокурора меня «прессовали», как резинового, а я исправно «лаял ментов – козлов паскудных». Но не отпускала опасность, что меня допрессуют до того момента, когда никакая санкция прокурора ни мне, ни кому-либо вообще не потребуется. Тем более, что менты были узбеки, а я – орус. Но трое суток кончились. И меня неожиданно «погнали». И не было уже сил удивляться весьма характерному обстоятельству: из «отстойника» меня радостно встречали «братишки» Малика. Неделью я потом отлеживался у одного из них. Однако выходило так, что я доказал, что во мне есть каторжанский дух. И домой меня отправили с почетом. С собой я увез полкило опия и приглашение приехать в марте на встречу мусульманского Нового года. О том, что мое возвращение контролировал мой «контакт» из узбекского КГБ, я узнал от встретившего меня в аэропорту куратора.

И СЕКСОТЫ ЛЮДИ

На спецквартире я сдал опий и начал письменно оформлять свое двухнедельное отсутствие. Для того чтобы вновь не разгонять дозу на игле, было решено, что я перехожу на азиатский способ употребления – через желудок. Мне были выданы: зарплата, опий и деньги для оперативной работы. Я должен был «греть» «путевых», находящихся в центральной лагерной больнице нашей республики. Куратор посоветовал не скупиться. У него был свой мент в этой зоне. Я уже многое понимал, тем более что сам в 1984 году еще в Алметьевске разработал систему контроля. Мент был сотрудником управления «В». Куратор вывез меня на встречу с ним. Я передал ему груз и маляву в тюремную больницу. В середине января я оказался дома ... Моя тогдашняя жизнь состояла не только из сексотской работы и криминальных интриг и разборок, но и любви. Конечно, смешно выглядит влюбленный сексот и уголовник, но тогда мне

казалось, что все это можно как-то совместить. Было одно «но» – нельзя никому говорить о своей работе.

Моя тогдашняя жизнь состояла не только из сексотской работы и криминальных интриг и разборок, но и любви.

Сексот он сексот и есть ... А в то время я хотел жениться, так как был уверен, что моя контора меня прикроет от всех бед. Подруге своей я сказал полуправду. Мол, вор я и наркота. Но ворую только у «маслокрадов» (расхитителей госимущества. – М.Ш.) и «козлов из номенклатуры» (взяточников. – М.Ш.) Это была дань блатной романтике. В Средней Азии нормальные люди ненавидели «маслокрадов» и советских баев. Про «отраву» говорил, что вылечусь и брошу, а пока, мол, ворую, но исключительно для снятия стресса.

БАРТЕР ПО-СОВКОВОМУ: ЛЕС ПРОТИВ ГАШИША

Основными потребителями нашего гашиша были исконно лагерные регионы – Кемерово, Новосибирск, Омск. В те годы гашишная наркомания давала больший доход, чем опийная. Афганского опия было мало, и он шел только на внутреннем рынке Средней Азии. В Россию и Сибирь экспортировали кара-калпакский, тянь-шаньский и талды-курганский опий и кукнар. Все знают про Чуйскую долину, роль ее в гашишном бизнесе велика. Но мало кто знал, что лучший гашиш-«ручник» изготавливается из горной тянь-шаньской конопли. Но в самой Средней Азии гашиш не представлял большой ценности. При правильной организации можно было собрать тонну, две, а то и три гашиша.

Таким вот образом собирался большой груз. Он переправлялся в регионы, где преобладали лесные ИТУ. Тамашняя братва получала товар, распределяла его по лагерям и расплачивалась. Однако не деньгами – лесом. И шли левые эшелоны с досками, брусом и прочим лесным добром в безлесую Среднюю Азию почти со всех лесоповалов. Реализовались через лесоторговые базы. Дефицит леса обеспечивал постоянную и большую прибыль. Получали ее криминалитете и партийно-хозяйственный актив. Позднее этот процесс назовут отмыванием наркоденег. Но для Средней Азии это было нормальным явлением: деньги должны делать деньги.

Маршрут Токтогульское водохранилище – город Кара-Куль – Кемерлаг я отрабатывал для Малика три месяца. Помог переправить туда два груза. После моей информации было снято руководство 3-го и 27-го ЛИТУ (лесное исправительно-трудовое учреждение), так как КГБ проводил чистку рядов МВД.

ПОБЕДНОЕ ВРЕМЕЧКО

Летом 1986 года из своей информационной сети я выудил сообщение о возврате оружия из Афганистана и начал было его разрабатывать. Но тут куратор преподал мне жестокий урок. Сексот может и должен проявлять инициативу только в рамках поставленной задачи.

Весной 1986 года начались интенсивные посадки опийного мака в ущельях Алая, Джумгала, Казармана, Кемина ... Сентябрь – время сбора опия у «бабаев» (стариков). Вместе с «братишками» Малика и ментами я мотался из аула в аул. В конце 1986 года была проведена успешная операция по изъятию в Ахангаране 70 килограммов опия на сумму два миллиона тех еще рублей. Это арест исполнителей и братвы из маликовской группы. По информации сексотов проведена чистка в киргизском и узбекском МВД (правда, верхи они не затронула – даже КГБ был бессилен против высшей пратноменклатуры).

Образовался своеобразный вакуум. Большинство детей и племянников партбоссов сидело на игле. Для дискредитации старого руководства двух среднеазиатских республик и Казахстана была организована небольшая сеть барыг, и я принимал в этом активное участие. Сынки, дочки, племянники покупали опий и химарь, кололись на блатхатах, а их фотографировали на пленку. Большинство детей и племянников партбоссов сидело на игле.

В 1987 году приступили к проведению операции «Мак», когда с помощью солдат и МВД уничтожались выявленные в 1986 году места посевов опийного мака. В том же году

наркобизнес был уничтожен на одну треть. Поставщики легли на дно ... А мы думали, что победили ...

ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

В 1988 году были раскрыты хлопковые и мясные махинации в Казахстане и Узбекистане. Начались конфликты между узбеками и турками-месхетинцами, таджиками и киргизами. Мой куратор впервые потребовал от меня проведения политического анализа в кримгруппах, в которых я работал. В 1988 году состоялся и большой воровской сход в Ангрене. Как смотрящий я помогал обеспечить безопасность его проведения. Тогда среднеазиатский криминалитет принял «историческое» решение: не идти на поводу у «маслокрадов», а помогать ментам долбить их (воровство, грабежи, разбои), запустить деньги на налаживание контактов с моджахедами-узбеками Афганистана. Так начался большой импорт в СССР афганского опия.

Так начался большой импорт в СССР афганского опия.

В конце 1988 года в среднеазиатских управлениях 3-го ГУ КГБ начали создаваться подразделения «С» из зарекомендовавших себя на оперативной работе сексотов. Это был первый случай, когда сексотов сводили вместе. Тогда я опять встретился с Яшей-корейцем. Я не знал, да и не спрашивал, когда и как его завербовали. Меня назначили старшим группы. Мы проходили ускоренную физическую и техническую подготовку. Дрессировали нас инструкторы из 7-го управления, мы назвали себя «псами» ... И вот почему. Когда человек не хочет делать опасную и неблагодарную работу, он прибегает к помощи собаки. Нашей задачей было убирать барыг, гонцов, уничтожать отраву, изымать деньги и ценности для передачи в родную контору. Легально же я значился как отбывший на лечение все того же туберкулеза.

Мы назвали себя «псами» ...

Подготовка проходила на армейской базе под Алматы. В группе моей было четыре человека. Только Яшу знал по имени. Остальных – по псевдонимам. Все мы прошли курс антинаркотического лечения. Закончился он психокоррекцией.

ДВЕ ОПЕРАЦИИ, МОРДОБОЙ И СВАДЬБА

Завершалась война в Афганистане. Моджахеды были у Пянджа. Открывалась большая опиийная дорога. Город Ош становился одним из центров транзита отравы. Опиий тогда стоил 50 рублей за грамм. В криминальном мире я завоевал стабильное положение. У меня была своя команда, контролирующая «диких» барыг Ферганской долины.

К нам поступил заказ из Казани. Первая партия – 10 килограммов. Мой куратор, используя свои источники информации, разработал операцию. Наша задача состояла в том, чтобы после передачи отравы, доставки денег на точку и перехвата «спецами» курьеров проникнуть на блатхату, убить охрану и барыгу, изъять деньги и ценности и завершить все большим огнем. Операция началась вечером. Курьеров перехватили. Обеспечили им полную изоляцию ... Нам с Яшей выдали по нагану и стеклотару с огневой смесью. Свою работу мы выполнили отлично. Единственной трудностью было принудить барыгу отдать деньги и драгметалл. Используя спецметоды, убедили барыгу сдать деньги, ружье (золото) и оставшуюся отраву.

Торговцы отравой – самая паскудная категория людей, поэтому совесть нас не мучила. Утром мне ребята сообщили, что «русаки» замочили барыгу, забрали отраву и убрались восвояси, спалив дом.

Торговцы отравой – самая паскудная категория людей,
поэтому совесть нас не мучила.

Так контора по своим каналам обеспечивала нам информационное прикрытие. Мы сдали около миллиона рублей, золото и 17 кило опия. Сексот должен быть честным с конторой. Это залог его безопасности. За операцию нас премировали – по десять штук (по десять тысяч рублей. – М.Ш.) в руки ... Другие «псы» сделали подобную работу в Ташаузе и Джегзане ...

На большом сходняке было решено устроить разборки с казанскими и другими «русаками», делегировать в Россию исполнителей. Они выполнили свою работу. Объединения организованных наркодельцов России и Средней Азии не произошло. Было также решено доставку отравы в Россию, в том числе и в Сибирь, осуществлять своими людьми, создать через цыган свою сеть барыг. Но первым этапом должна была стать организация торговли в Средней Азии и Казахстане. Вторым этапом – грамотное освоение российских регионов. Каждый воровской клан получал свой участок. За Маликом остался Новосибирск и Кемерово.

Было также решено доставку отравы в Россию, в том числе и в Сибирь, осуществлять своими людьми, создать через цыган свою сеть барыг.

Однако мы с Яшей провели и свою – личную – операцию. Без разрешения конторы. Мы убрали барыгу, который менял опий на девочек и мальчиков. Среднеазиатская партноменклатура частенько практиковала содержание и соответствующее использование наложников и наложниц. Попавшие в эту карусель мальчишки и девчонки исчезали бесследно. Мы были хорошими сексотами. Мы нашли того барыгу, что приобрел Яшину сестренку. Из-за нее, если помните, Яша по моему разрешению опустил в тюрьме того, кто ее продал, - Буржуя. Яша построгал барыгу, как баранину. Я обеспечивал отход. Получилась накладка. Меня ранило. Только благодаря Яшиному упорству и хитрости мы остались живы, сумели затеряться среди корейцев-луководов Кара-Калпакии.

Среднеазиатская партноменклатура частенько практиковала содержание и соответствующее использование наложников и наложниц. Попавшие в эту карусель мальчишки и девчонки исчезали бесследно.

Куратор устроил нам большой скандал с мордобоем. Напоследок сказал: «С такими кентами-анархистами пропасть не пропадешь, но горя хапнешь ...» Но это было еще не все. Он подпрыгнул, как обчифиренный, когда я сообщил ему, что собираюсь жениться. В его обязанности входило знать обо мне все. Он и знал. И втолковывал, что у сексота не должно быть семьи, что сексот живет только до тех пор, пока дружит с удачей. Но я был самоуверен и нагл.

Свадьба была в июне. Общак подарил мне дом под Ошем. Я становился своим среди ошской братвы. После свадьбы я рассказал жене, кто я такой, что делаю, и обещал, что буду просить вывести меня из активной оперативной работы. Последующий разговор с моим куратором был трудным. Однако мне обещали, что после разработки новосибирско-кемеровской линии я буду переведен в информационную агентуру ...

ВОРЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ?

Итак, я должен был отработать новосибирско-кемеровскую линию. Довставка наркотиков в этот регион начала осуществляться на «поливных машинах» - так называли транспорт, который в то время перевозил частные грузы – в основном овощи и фрукты – с юга в Сибирь. Это было очень непросто: приходилось контролировать десятки машин с сотнями ящиков, забитых, как говорится, дарами природы.

Маликом я был откомандирован для налаживания контактов с местной братвой. Должен был я приобрести и несколько домов для конечной разгрузки и для работы здесь с цыганами. Яша выехал вместе с моей командой. Контора помогла мне приобрести дома для братвы, для поставки гашиша. А затем удалось выйти и на цыган, готовых на оптовые закупки отравы.

Не обошлось без конфликтов. Глава кемеровской преступной группировки Паша Заяц начал претендовать на половину прибыли ... Одной из моих задач как раз и было провоцирование разборок между азиатами и сибиряками. Мне удалось списать перехват двух машин с грузом на Зайца. Началось выяснение отношений. Но мы действовали грамотно. Заяц был настолько скомпрометирован, что начались внутренние разборки с убийствами. В конце концов мы с Яшей засветили часть наркоторговцев и помогли местной конторе установить контроль за прибывающими машинами.

Но наступили уже восьмидесятые годы, и контору пинали все, кому не лень. «Демократы» невольно помогли оргпреступности.

В Средней Азии Комитету госбезопасности не могли простить раскрутку хлопковых, мясных, опийных дел. Зима 1989-1990 годов была тяжелой. Нейтрализовали агентуру 5-го Главного управления. Принялись и за тех агентов, которые работали не по диссидентам, а по оргпреступности.

Высшие милицейские чины МВД, прокуратуры, судов, партийные боссы пытались остаться у властного кормила и доить, как раньше, народы своих республик. В Ошской области обкомовские лидеры стремились поставить под свой контроль криминальные группы. В ход шли деньги и национальные лозунги. Она была тупой, эта ошская номенклатура. Никак не могла понять, что преступный мир идейно интернационален. В феврале 1990 года воры Средней Азии и Казахстана приняли решение физически устранять тех, кто в зонах и на свободе будет разделять преступный мир по национальному признаку.

Тем не менее в Ошской области началось натравливание киргизов на узбеков. Дескать, узбеки богатеют на киргизских землях. В джалал-абадской зоне был спровоцирован конфликт между киргизами и узбеками, после которого киргизов-зачинщиков удавили. Но уже 21 марта произошли первые столкновения между киргизскими и узбекскими дехканами.

Нашу группу – всех четверых – переориентировали на выявление инициаторов конфликтов. Куратор выдал мне оружие ...

Идеология не наша работа. Мы были специалистами в своей области. И честно говоря, не знали, что делать. Опийная дорога временно заморозилась. Нам не было известно, откуда появились «дикие» барыги, торговавшие анашой. Только житель Средней Азии знает, что анаша, употребленная с водкой, способна у кого угодно вышибить мозги: вот вам и подготовка людей к кровавым побоищам. В наших местах становилось опасно ...

Только житель Средней Азии знает, что анаша, употребленная с водкой, способна у кого угодно вышибить мозги: вот вам и подготовка людей к кровавым побоищам. В наших местах становилось опасно ...

КОНЕЦ ВЕЗЕНИЮ

В то время самым безопасным местом в Средней Азии была Алматы. Я убедил куратора в необходимости вывоза туда моей жены и в конце апреля отправился туда, чтобы все подготовить ... На этом мое всегдашнее везение кончилось. На курдайском перевале такси, в котором я ехал, врезалось в «КамАЗ». Очнулся в больнице. В реанимации. Мне нужна была связь, поэтому я плюнул на конспирацию и вышел на свой отдел в казахстанском КГБ, попросив врача позвонить «моим родным в Алматы». Мой «дядя» из алматинской конторы был доволен. Я передал ему людей, с которыми ехал договариваться о контакте с ошской группировкой и блатхатой в Талды-Курганской области. Моему «папе» – куратору – сообщили, что я живой. Меня тут же перевезли в окружной госпиталь, где лечение, конечно, было лучше.

Там я узнал, что в Оше началось взаимное истребление киргизов и узбеков и было очень много жертв. Власти не контролировали ситуацию. Во Фрунзе было введено чрезвычайное положение. Войска блокировали Ошскую область, и обычная связь прервалась. Правда, через некоторое время мне сообщили, что жена жива и здорова и эвакуирована в Ташкент.

К концу августа я начал ходить, меня вывезли в Киргизию. Там, на спецквартире, куратор сообщил, что мою жену на машине увозил Яша. Они попали под толпу ... Яша защищал ее, сколько мог. Защитил ... Но жена была на седьмом месяце. После всего этого кошмара у нее случился выкидыш. Сама она получила тяжелую психическую травму. Окружающая действительность перестала для нее существовать. Яша попал в госпиталь. Но врачи говорили, что выживет. Еще двое из моей группы, Иргаш и Павлик, были чуть не до смерти избиты, когда пытались удержать в узбекском околотке толпу пьяных и обкуренных киргизов. Из группы «С-7» целым и невредимым остался только я. Агентурная сеть 3-го управления была частично рассеяна, частично уничтожена ментами. Все надо было начинать сначала.

Р А З В А Л

Мой куратор в то время был моим единственным наставником и учил меня всему тому, что знал сам. Он не имел права рассказывать мне то, что все-таки рассказал ... Он дал

мне координаты кагэбэшных стукачей (так называемых стукачей на испуге) в МВД и областных УВД, в криминальных структурах, адреса резервных спецквартир и коды экстренной связи. Я получил другой паспорт (на случай эвакуации), удостоверение сотрудника МВД, немного золотых вещей и оружие. В конце октября я был уже в Ташкенте. Яша, как настоящий «пес», выжил. Жена меня не узнавала. Врачи говорили, что со временем возможны улучшения.

Опийная дорога размораживалась. Выход из «Золотого полумесяца» оказался закрыт больше чем на половину: в Иране (а «Полумесяц» проходил как раз через Иран – из Юго-Восточной Азии в Европу) для перевозчиков наркоты ввели смертную казнь. Маршрут Таджикистан – Туркмения (красноводск) – Азербайджан стал опасен из-за войны. В Киргизии – чрезвычайное положение. Оставался Узбекистан.

К тому же это было время, когда из российских зон на родину этапировали азиатов. Началась борьба за влияние в криминальной среде. У прибывающих были связи с российскими ворами в законе. Местные использовали свои связи в МВД, и они победили: им удалось устроить беспредел в зонах – на вернувшихся полезли сидящие за недавние погромы. Так преступный мир Средней Азии продемонстрировал, что не будет жить по русским воровским законам.

Конкурентом крупнейшей наркомафии неожиданно стал президент Киргизии Акаев. В январе 1991 года среднеазиатский криминалитет некоторое время пребывал в шоке? Было дано указание о восстановлении в республике опийных маковых посевов. Тут же выяснилось, что в Турции уже куплены семена и оборудование для строящейся в Бишкеке фармацевтической фабрики. Мы старались не допустить отраву в нашу страну. Из-за этого гибли люди ... И все напрасно. А в МВД Киргизии спешно был создан отдел, который должен был курировать Иссык-Кульскую область и отвечать за маковые посевы. То есть менты садились на золотое дно.

Мы старались не допустить отраву в нашу страну. Из-за этого гибли люди ...
--

Они уже потирали руки. Но все-таки мы успели хоть здесь сказать последнее или почти последнее слово. Срочно была задействована бывшая агентура 5-го отдела среди журналистов. Бывшему партийному лидеру Усубалиеву (он все еще пользовался влиянием) предоставили информацию о росте наркомании. На некоторых депутатов Верховного Совета было оказано давление с помощью имеющегося против них компромата. Через сексотов проводилась косвенная обработка лидеров организованной преступности юга, вложивших деньги в афганскую опийную дорогу. МВД сопротивлялось отчаянно. Но золотого дна не получило ...

Однако это была лебединая песнь киргизской госбезопасности.

И У СОБАК ЕСТЬ СВОЯ ЭТИКА

В среднеазиатских УКГБ местные кадры начали убирать всех русскоязычных. Шла борьба за картотеку агентуры. Лидеры оргпреступности получили возможность поквитаться с теми, кто когда-то мешал им. Активно задействованному сексоту трудно уйти на консервацию. А сотрудники МВД всячески помогали нашему выявлению. Раскрытому агенту или информатору выкалывали глаза, отрезали язык и уши, рубили пальцы ...

Моему куратору удалось изъять всю информацию о подразделениях «С». Нам с Яшей он сказал, что теперь мы свободны от своих обязательств. Принуждать нас он не вправе. Нам надо спасать свои жизни. Можем эвакуироваться под видом беженцев. Он не учел, что у «псов» может быть своя этика. Наша жизнь теряла смысл без нашей работы. Теперь нас было некому прикрывать. «Псы» оказались вне закона. Куратор дал нам инструкции по работе в складывающейся обстановке и уточнил, что теперь наши отношения сделались неофициальными. Он дал нам канал связи с пограничниками особого отдела Московского погранотряда и своими друзьями в Ташкенте и Душанбе.

Наша жизнь теряла смысл без нашей работы.

СМЕРТЬ ХОЗЯИНА

Его послали инспектировать Торугарьскую таможню и Тянь-Шаньский погранотряд ... Перевал Долон очень сложный, особенно зимой. «Уазик» с подполковником Беляниным

Валерием Константиновичем потерял управление ... Он падал триста метров. Говорят, что, когда у пса умирает хозяин-друг, он тоже погибает от тоски. Мы с Яшей, узнав об аварии, напились смертельно ...

Используя информацию погибшего куратора, мы начали собирать «псов» в одну стаю ...

Используя информацию погибшего куратора, мы начали собирать «псов» в одну стаю ...

БЕЗ ПОВОДКА И НАМОРДНИКА

Политическая дестабилизация в государстве способствует расцвету наркобизнеса. В 1991 году началась гражданская война в Таджикистане, межнациональные конфликты в Узбекистане и Кыргызстане ... Русские были стержнем порядка и законности. Вытеснение русскоязычных из силовых структур приняло массовый характер. Госбезопасность свертывала свою работу. На рубеже 1991 - 1992 годов были организованы опийные посевы на границе Таджикистана и Афганистана.

Инфляция обесценивала рубли. Их место занял опий. Граница практически была открыта. Население одного только Кулябского района в Таджикистане, по оперативному анализу (его сделал человек из моей группы Маджит), с ноября по февраль сумело аккумулировать около полутора тонн опия. Он был тогда дешевле хлеба. Но не было рынка сбыта. Криминальные структуры меняли муку и сахар на опий по очень выгодному для себя курсу. Весной 1992-го начался массовый исход русских из Таджикистана.

Опий был тогда дешевле хлеба.

Маджит получил информацию, что в одном из контейнеров с беженцами будут переправлять 150 пятикилограммовых брикетов отравы. Мы не могли шмонать все контейнера подряд ... Но Маджит прошел Афган и стал там спецом по минноогневым заграждениям. Его группа подорвала и сожгла контейнерный склад в пригороде Куляба, операцию отнесли на счет местных националистов, якобы помешавших увозить русским «награбленное». Однако моджахеды прислали контролеров для поиска виновных в уничтожении отравы. Нашего Маджита вычислили. И он был казнен ... Я так и не узнал, как его звали на самом деле ...

Для нас это послужило уроком по технике безопасности. Без Маджита и его группы нас, «псов», на три республики осталось одиннадцать. Мы с Яшей были инициаторами сбора стаи. Поэтому и должны были отвечать за жизнь своих кентов. Решили сузить регион работы. Надо было определить узловую точку наркобизнеса. Воротами был Таджикистан. А единственным местом, где возможна концентрация и безопасная загрузка отравы, - только Ош.

Русские уехали, так что купить в Оше две квартиры оказалось легко. Мы их переоборудовали. Из верхней пробили лаз в нижнюю. Усилили двери. Трех «псов» отправили за деньгами: нам необходим был резервный фонд. Деньги они взяли у председателя одной районной организации потребсоюза.

В криминальном мире Средней Азии происходили изменения. Бандиты обеспечивали охрану, реализация опия внутри региона и его экспорт переходили в руки бывшего партийно-хозяйственного актива. Но все они зависели от поставщиков из опийного пояса. Север Афганистана контролировали моджахеды-узбеки... В нашей группе было трое узбеков. Мы послали их в Айвадж и Нижний Пяндж, криминальное прошлое помогло им освоиться на месте. Двоих отправили в Горно-Бадахшанскую область.

Они прошли афганскую войну, перед ними стояла задача выйти на связь с Московским погранотрядом. Оставшиеся брали на себя Ош, Джалал-Абад и Бишкек.

МАЙОР ЭСЕН

В Кыргызстане в 1992 году на базе бывших 6-х отделов милиции начали создавать отделы по борьбе с наркотиками ... Нашу информацию мы стали анонимно гнать туда. Они неплохо ею пользовались. Я уже думал вступить с ними в полный контакт. Но в Джалал-Абадском районе по нашей наводке был взят с 50 кило опия замначрайотдела внутренних дел. Через трое суток у задержанного вместо опия «оказалось» мумие. Оперов, бравших замнача, перевели в участковые. Бишкекские менты начали искать информаторов ... Меня взяли в аэропорту Манас, когда я собирался лететь в

Новосибирск. Закрыли в районном «отстойнике». Через сутки меня забрали столичные менты. Разговаривал со мной майор. Я прикинулся наркотой и овечкой. Но мент объяснил, что знает меня, знает, что я принадлежу к ошской братве ... Оказалось, что он переведен сюда из УКГБ, поэтому назвал мне и мой псевдоним, и номер контактного телефона бывшей экстренной связи. К тому же Эсен (так звали майора) знает меня лично. Он принимал участие в перехвате кукнара из Талды-Кургана и сидел тогда в кабине «ЗИЛа». Знал он и Беянина, знал, что у него есть свой сексот. Менты меня разрабатывали как представителя братвы. А Эсен искал хорошего агента. По его словам, в киргизских госструктурах есть люди, стремящиеся перекрыть опиумную дорогу через Кыргызстан. Нам же было выгодно, чтобы барыги пользовались старыми дорогами, а не создавали новые. Мне было страшно слышать это. Но с майором мы все-таки пришли к соглашению... Я улетел в Новосибирск. А когда вернулся в Ош, возобновил контакты с посредниками. С помощью Эсена были нейтрализованы три попытки транспортировки отравы в Сибирь, захвачено 40 килограммов опия и 30 килограммов гашиша, осуждено 18 человек – из них 4 мента.

В мае 1993 года Кыргызстан выходил из рублевой зоны. Среди наркоторговцев это вызвало немалый ажиотаж. От Эсена я получил задание вычислить маршрут транспортировки денег в Россию. Парни из моей стаи поработали хорошо. Оказалось, что основная масса денег будет переводиться через Таджикистан, где в хождении был еще рубль ...

Эсена назначили начальником Чуйского отдела по борьбе с наркобизнесом ... Он был расстрелян в своей машине вместе с женой и детьми ...

ЛЕГКАЯ СМЕРТЬ

От парней, работающих в опийном поясе, пришла информация о новых способах транспортировки отравы в Центральную Россию. Нанимались русские, переодевались в пограничную форму. Получали документы о транспортировке спецгруза и везли его в поездах без всякого досмотра. Лето 1993-го мы с Яшей провели в Москве ... В другом мире ...

Вернувшись домой, узнали, что нет больше нашей группы в опийном поясе. Ребята погибли вместе с российскими пограничниками, когда уничтожалась группа моджахедов, шедших в Таджикистан. Работа сексота теряет свой смысл, когда начинается война. Мы прекратили всякие контакты с властью (кроме Московского погранотряда). Торговля опиумом стала полулегальным бизнесом в Таджикистане и на юге Кыргызстана. Уже не составляло труда выявлять барыг. Ребятам, работающим в Горном Бадахшане, мы предоставили полную самостоятельность ... Потихоньку накапливали информацию о наркобизнесе и связях наркоторговцев с властными структурами ... Мы поняли, что обычными мерами, так или иначе оговоренными в законодательстве, с этим бизнесом бороться нельзя. Надо по-другому ...

Мы поняли, что обычными мерами, так или иначе оговоренными в законодательстве, с этим бизнесом бороться нельзя. Надо по-другому ...

Яша вступил в контакт с министром внутренних дел Кыргызстана Молдашевым, бывшим сотрудником КГБ, и передал ему информацию о перепрофилировании наркобизнеса с опия на героин (героин везти выгоднее). В ноябре 1995 года мы уничтожили «КамАЗ» с бутылками уксусного ангидрида, который нужен для получения героина. Но допустили ошибку: оставили в живых шофера. Ошские менты взяли тех, кто участвовал в нападении, и выбили из них показания. Началась охота на нас. Спасибо покойному куратору за паспорт. Из Оша мы ушли в горы. К чабанам.

В январе 1997 года мы узнали, что нас хотят достать и скомпрометировать и братва и менты ... Вся наркота в транс. Все хотят с нами «встретиться». Единственной надеждой оставался Яшин контакт с министром. В феврале мы добрались до Кара-Балта. Яша попробовал через контактный телефон установить связь, но было поздно. Министра уже сняли ... Решили уходить через Кемерово в Новосибирск. Понимали: одиночки не могут бороться с наркобизнесом. Мечтали тогда только об одном: если не повезет, то умереть сразу. Яше не повезло. Он решил скрыться в Джамбуле. И его там повязали. Я думаю, что убивали его долго ...

Мне повезло.

Мы понимали: одиночки не могут бороться с наркобизнесом.

Сексотам не ставят памятников. О них не пишут романов. И живут они не долго...

Но каждый скомпрометированный барыга, каждый уничтоженный килограмм отравы – зачтется нам Богом...

Единственное, что могу пожелать тем, кто остался работать в Горном Бадахшане и на юге Кыргызстана ... и себе ... - легкой и быстрой смерти.

P.S. По словам Георгия, начиная с 1991 – 1995 годов, группа сексотов или “псов”, в составе которой он был, уничтожила 41 наркоторговца. На счету самого Георгия 7 человек.

**Но каждый скомпрометированный барыга,
каждый уничтоженный килограмм отравы – зачтется нам Богом...**

Если не я, то кто же?

Снова перечитай дневник Лены. Она написала его, встав в 2 часа ночи. С 15-ти до 19-ти лет она сидела на игле, и жизнь ее казалась законченной. Она перестала верить людям, но то, что она прочитала о бывшем наркомане, не давало ей покоя.

Из-за чего же она не могла уснуть? Из-за того, что есть люди, которые жертвуют своей жизнью, чтобы спасти других. Вот именно это поняла девятнадцатилетняя Лена. Ты сейчас пишешь тридцать восьмой дневник, а понял/а ли ты это?

Понял/а ли ты то, что страну, в которой ты живешь, уничтожают спиртом, табаком. Неужели брат, неужели сестра, это так трудно понять? Неужели, твое сердце настолько каменное, что рядом с собой ты не можешь заметить чужую беду? Жить, не замечая, что творится вокруг тебя уже нельзя, ибо твои глаза залиты водкой, вином и табаком. «Но, что же я могу сделать?» – скажешь ты. А, ты разве не видишь, сколько новичков приходит каждый день в клуб? Ты же можешь им помочь. Неужели тебе так трудно проверить дневник и подсказать, где выход? С трагедией, которая охватила твой народ, не справиться в одиночку, и если ты этого не сделаешь, то этого не сделает никто. Если ты не станешь «псом», то кто же им станет? Если не я, то кто же? «Но, как же я могу помогать, - скажешь ты, - для этого нужен особый талант». А ты используй тот, который у тебя есть.

Притча о талантливом боксере

Один боксер уверовал в Бога и стал ходить по улицам, говоря о своей вере. Однажды вечером его встретили пятеро подвыпивших парней и потребовали, чтобы он тут же им доказал, что Бог есть, если он этого не сделает, пригрозили расправой. Боксер отвел их за угол и тут же нокаутировал всех пятерых.

На следующий день они пришли к нему в церковь с синяками под глазами и сказали: «Веруем!»

**Я стала думать, что курение облегчает жизнь,
а на самом деле я просто попала в сети дьявола.**

... Это паршивое курение крепко засело в мою голову. Я хорошо помню тот день, много лет назад...

У меня еще не было большого пристрастия к табаку, вообще не было никакой тяги...

Я могла месяц не курить, и меня нисколько не тянуло.

... У меня было поганое настроение, я думала о смерти, я была в отчаянии, ненавидела себя, думала о самоубийстве. Я пошла курить в огород в деревне, было лето... Я покурила, и мне показалось, что стало легче, как будто бы я получила облегчение. И вот здесь у меня появилось ложное убеждение. Я стала думать, что курение облегчает жизнь, и я стала думать, что появляется желание жить, избавляет от мыслей о смерти и самоубийстве! А на самом деле я просто попала в сети дьявола. Потому что курение сигарет не избавляет от мыслей о самоубийстве, эти мысли потом приходят снова и снова.

Светлана

Вопросы к дневнику № 38

*Для работающих по проблеме алкоголизма и их близких
(Заполняется перед сном)*

1. Имя, дата, время заполнения.
2. Что я думаю о повести «Псы наркобизнеса»?
3. Хотел/а бы я стать «псом» алко-табако-нарко-бизнеса?
4. Принимаю ли я решение помогать новичкам в проверке дневников?
5. Что я думаю о притче из дневника № 37?
6. Что я думал о шестой ступени программы, когда пришел в клуб, что думаю о ней сейчас?
7. Опиши детально, как ты будешь проводить трезвый праздник у себя дома? Кто будет на этом празднике? Как ты начнешь этот праздник? Как закончишь?
8. Какой талант у меня есть, или какой я в себе увидел после того, как пришел/а в клуб?
9. Есть ли у меня за душой плохой поступок, который мучает меня до сих пор? Если «да», то почему я не могу в нем покаяться?
10. На какое время я решил/а отказаться от употребления алкогольного яда?
11. Какие отношения у меня с мужем/женой после моего перехода к трезвости?
12. Радость, которой хочу поделиться в дневнике.
13. Напиши собственные формулы настроения.

Вопросы к дневнику № 38

*Для работающих по проблеме курения
(Заполняется перед сном)*

1. Имя, дата, время заполнения.
2. Что я думаю о дневнике Светланы «Я стала думать, что курение облегчает жизнь, а на самом деле я просто попала в сеть дьявола»?
3. Были ли у меня такие ложные убеждения, если «да», то какие?
4. Что я думал/а о шестой ступени программы, когда пришел/а в клуб, что я думаю о ней сейчас?
5. Как я считаю, отравление себя табачным ядом – это грех или вредная привычка?
6. Что я думаю о повести «Псы наркобизнеса»?
7. Хотел/а бы я стать «псом» алко-табачно-наркобизнеса?
8. Употребляю ли я спиртное? Если «да», то почему? Какого состояния я хочу добиться, употребляя алкогольный яд?
9. Какой талант у меня есть, при помощи которого я смогу помогать новичкам?
10. Принимаю ли я решение помогать новичкам в проверке дневников?
11. В дневнике я хочу поделиться тем, что меня очень долго волнует, я не могу найти ответ на один вопрос...
12. Радость, которой я хочу поделиться в дневнике?
13. Напиши собственные формулы настроения.

ОБРАЩЕНИЕ

Ежегодно в России от алкоголизма, курения, наркомании погибают сотни тысяч наших детей, братьев, сестер. Видя эту общую беду, в январе 1992 года был создан Благотворительный Фонд Трезвости им. Геннадия Шичко. Фонд организован не политиками и бизнесменами, а обычными рабочими людьми. Главное, что нас объединяет – мы не можем оставаться равнодушными, видя растление наших детей и уничтожение одного из самого прекрасного народа на Земле. Просьба ко все, кто Любит Россию, помочь посильными пожертвованиями Фонду

Куда Расчетный счет 40703810100100001388 / 301018103000000000780

ОАО «Уралвнешторгбанк» в ГРКЦ ГУ Банка России

по Свердловской области; БИК 046577780

620062, г. Екатеринбург ул. Чебышева 4, литер В

Кому НП «Благотворительный фонд трезвости им. Г.А. Шичко»

ИНН 6672180877 / 667201001

Назначение платежа: Благотворительное пожертвование без НДС

От кого

Адрес отправителя

Если вы хотите отправить пожертвования в клуб какого-либо другого города, укажите какой это город, название клуба, ФИО руководителя.